

1835—1836.

С а ш к а.

«Нравственная поэма».

I.

Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалокъ,—все пиши
Ему про казни, цѣпи, да изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любить,
Кто дни свои воспоминаньемъ губить.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
И видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазамъ;
Но нынче я не тотъ ужъ, какъ бывало,—
Пою смѣясь.—Герой мой добрый малый.

II.

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не звалъ
хлопотъ,
Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился;
Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ,
Но я за то ни мало не сердился
И поступалъ не лучше въ свой чередъ;
Печалень ли, бывало, тотчасъ скажетъ,
Когда жевеселъ, счастливъ—глазъ не кажетъ.
Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ *ты*;
Хвалилъ во мнѣ, что прочіе хвалили,
И былъ мой вѣчный визави въ кадрили.

III.

Онъ былъ мой другъ. Ужъ нѣтъ такихъ
друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Сама!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Не тронута никѣмъ, какъ дружба наша
Въ вѣчномъ кладбищѣ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Тайственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ;
Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ не понялъ ни единый.

IV.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Название ли оставленнаго друга,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,—
Какъ разгадать? Что можетъ въ часъ такой
Наполнить сердце, жившее такъ много
И такъ недолго съ смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять
И нынѣ можетъ, долженъ рассказать
Твои мечты, дѣла и приключенія—
Глушамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V.

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!

Кто бъ ни былъ ты: внукъ Евы или Адама,
Разумникъ ли, шалунъ ли молодой,—
Картина будетъ; это—только рама!
Отъ правилъ, утвержденныхъ стариной,
Не отступлю,—я уважаю строго
Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
Не правда-ль, кто не старъ въ 18-тъ лѣтъ,
Тотъ вѣрно не видалъ людей и свѣтъ,—
О наслажденяхъ знаетъ лишь какъ слухъ,
И самъ лишь ѣсть и пьетъ да давить мухъ?

VI.

Герой нашъ былъ москвичъ, и потому
Я врагъ Невѣ и невскому туману.
Тамъ [я весь міръ въ свидѣтели возьму]
Веселье вредно русскому карману,
Занятія вредны русскому уму.
Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
Москва—не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву
Тамъ я впервые въ дни надеждъ и счастья
Былъ боленъ отъ любви и любовнаго страстья.

VII.

Москва, Москва!.. люблю тебя какъ сынъ,
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно,
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣриться главою и—обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя прищлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ,
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наследникъ нашей славы.

VIII.

Ты живъ!.. Ты живъ, и каждый камень
Завѣтное преданье поколѣній. [твой—
Бывало, я у башни угловой
Сажу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
Кружатся, вьются, чуждыя людей.
И я, такъ полный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безъизвѣстной,
Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX.

Я не философъ—Боже сохрани!—
И не мечтатель. За полетомъ пташки
Я не гонюсь, хотя въ былые дни
Не вовсе чуждъ былъ глупой сей замашки.
Ну, муза,—ну, скорѣе,—разверни
Запачканный листокъ свой подорожный!